

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Приоритеты политики Китая в Центральной Азии

Константин Сыроежкин

*Адаптированный фрагмент книги
«Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству»,
Казахстанский Институт Стратегических Исследований
при Президенте Республики Казахстан, Алматы, 2010*

К концу 1990-х гг. обстановка, сложившаяся в регионе, а также укрепление позиций России и усиление активности США, направленной на закрепление своего влияния в нем, потребовали новых подходов и от Китая. С 1997 г. Центральная Азия начинает рассматриваться китайскими экспертами в качестве стратегического тыла Китая.

При этом сохранение Центральной Азии в качестве стабильного стратегического тыла Китая зависело от нескольких условий.

Во-первых, от скорейшего решения спорных вопросов о границах между Китаем и странами региона и подписания окончательных соглашений по данному вопросу.

Во-вторых, от локализации угрозы этнического сепаратизма, исходящей от уйгурских организаций, дислоцирующихся на территории Центральной Азии и, по мнению Китая, «...поддерживающих тесные контакты с сепаратистскими организациями на территории СУАР КНР».

В-третьих, от обретения Китаем устойчивого позитивного имиджа в глазах политического руководства и населения государств Центральной Азии.

В-четвертых, от получения Китаем доступа к углеводородным ресурсам региона.

Наконец, от обеспечения условий, гарантирующих, что Центральная Азия не окажется под доминантным контролем какой-нибудь одной державы или группы государств, особенно из числа тех, отношения с которыми у Китая складываются не лучшим образом.

В Пекине, по-видимому, осознавали, что, благодаря экономическим позициям, уже приобретенным Китаем в Центральной Азии, но, прежде всего, в силу экономической и военной слабости России, перед ним открывается возможность существенного расширения китайского влияния на Центральноазиатский регион.

ШОС как инструмент обеспечения геополитических целей

Отдавал себе Китай отчет и в том, что на тот период по всем позициям он являлся несомненным региональным лидером, а главная проблема, имевшая место в отношениях Китая с государствами Центральной Азии – урегулирование пограничного вопроса – практически была решена. Оставалось определиться лишь с одним – каким образом включить в орбиту китайского влияния государства Центральной Азии, не вызывая при этом раздражения России, а также не вступая в прямую конфронтацию с США.

Приоритет был отдан положительно зарекомендовавшей себя «Шанхайской пятерке», которая к началу 2000-х гг. уже пережила свой формат механизма проведения консультаций по пограничной проблематике и «укреплению доверия» в районе границы и была готова к превращению в форум, обсуждающий серьезные проблемы региональной безопасности

Понимая, что отношение к растущей мощи Китая со стороны США и Запада, мягко говоря, негативное; что они предпримут меры, ограничивающие его рост; что конкурировать с ними он

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

пока не готов, Китай (по договоренности с Россией) решил сыграть на опережение, инициировав процесс создания новой региональной организации, которая не только способствовала бы достижению целей его региональной политики, но и гарантировала его присутствие в Центральной Азии. 14–15 июня 2001 г. в Шанхае состоялся очередной саммит глав государств, входящих в «Шанхайскую пятерку», на котором и была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Надо признать, что эта стратегия дала свои результаты. Во многом благодаря ШОС Китай сумел решить значимые для него на тот период проблемы. Более того, он получил легитимную и не только не вызывающую возражений со стороны России и государств Центральной Азии, но и одобряемую ими возможность непосредственно действовать на постсоветском пространстве по принятым в СНГ неписаным правилам. Иными словами, возможность беспрепятственно играть на противоречиях, существующих как между странами СНГ, так и между различными группами внутри каждой из этих стран без риска быть обвиненным в подрывной деятельности и экспансионизме.

Как позднее подчеркивали китайские эксперты, «...в результате долгих поисков и тщательной подготовки центрально-азиатская стратегия Пекина определилась. Она направлена на то, чтобы, опираясь на ШОС, активно участвовать в решении проблем региона, развивать отношения с входящими в него странами, способствовать их стабильности и процветанию, а также осуществлять свои стратегические интересы, сосредоточенные, прежде всего, в сфере освоения ресурсов Центральной Азии.

Таким образом, поскольку свою центрально-азиатскую стратегию КНР предстоит строить вокруг ШОС, необходимо укреплять положение и совершенствовать механизм действий этой организации, искоренять ее функциональные недостатки, чтобы она могла играть ведущую роль в решении проблем региона».

Не раздражая Россию и поддерживая у ее политического руководства иллюзию о принадлежности ей роли «первой скрипки» в регионе, Китай постепенно наращивал уровень своего присутствия в Центральной Азии, в том числе, проникая в сферы, традиционно считавшиеся исключительным приоритетом России.

Американский фактор

События «11 сентября» и последовавшее за ними вмешательство США в афганский конфликт разрушили всю геостратегию Пекина, которая с конца 1980-х гг. определялась следующей формулой: «...опираться на север, стабилизировать западное направление, а основные усилия сосредоточить на востоке и юге». До антитеррористической операции в Афганистане эта стратегия работала достаточно успешно, однако появление в Центральной Азии американских военных баз поставило ее под угрозу.

Для начала, не имея реальных рычагов воздействия ни на США, ни на страны региона, необходимых для локализации вызова со стороны военного присутствия США в Центральной Азии, Китай принял превентивные меры. С одной стороны, усилил войсковую группировку, дислоцированную в СУАР КНР, а, с другой – активизировал процесс создания антитеррористических механизмов ШОС и контакты с государствами – членами этой организации, для ограничения влияния США в Центральной Азии.

И хотя в начале 2000-х гг. с точки зрения их влияния на региональную политику события «11 сентября» китайскими экспертами недооценивались, позднее их оценка была несколько скорректирована: «...фактически после событий «11 сентября», очевидно, усилилось понимание Китаем геополитических интересов в Центральной Азии и повысилась значимость Центральной Азии в геополитике Китая. Можно сказать, что до событий «11 сентября» в

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

структуре китайских интересов в Центральной Азии геополитика не доминировала, а после этих событий геополитические интересы поднялись до уровня одного из наиболее значимых интересов Китая в Центральной Азии».

Кроме того, в данном вопросе Китаю приходилось учитывать позиции России и государств Центральной Азии. Первая – держала паузу, никак не реагируя на демонстрацию США своего превосходства. Вторые – пребывали в состоянии эйфории и иллюзорных представлений о «могуществе Запада», чем-то схожем с периодом начала 1990-х гг., когда Россия демонстративно покидала регион.

Китай, для которого история измеряется даже не столетиями, и верный традиции, принял за лучшее, следуя позиции России, выдержать паузу и дать всем возможность определиться со своими приоритетами. Причем, эта пауза не означала состояния «недеяния». Напротив, Китай, с одной стороны, как бы демонстрировал верность как своим союзническим обязательствам с Россией, так и обязательствам, взятым им на себя в рамках патронируемой США антитеррористической коалиции.

С другой стороны – не вступая с США в открытый конфликт, налаживая отношения с находящейся в состоянии конфронтации с ними «старой Европой» и параллельно наращивая уровень контактов со странами Центральной Азии, Китай тем самым создавал условия для решения как внешнеполитических, так и сугубо внутренних проблем.

И надо признать, что стратегия «китайской обезьяны», с высоты холма наблюдающей борьбу двух тигров в долине, продемонстрированная Китаем в первые годы «иракского кризиса», оказалась выигрышной.

Политика «превентивных военных ударов», продемонстрированная США в Афганистане и Ираке, превратила Китай в желательного политического партнера для многих государств, причем не только в Азии, но и в Европе. Когда от «превентивных военных ударов» никто не застрахован, иметь политическую, а еще лучше – военно-политическую поддержку со стороны государства, способного сказать «нет» США, было крайне необходимо.

Однако, в контексте разнобоя позиций центрально-азиатских республик по иракскому вопросу, а также самоустранения Узбекистана от мероприятий, осуществляемых в рамках ШОС, было одно обстоятельство, которое не могло не беспокоить Китай.

Более всего он опасался того, что общественное мнение и политическое руководство государств Центральной Азии могут начать рассматривать военное присутствие США в качестве альтернативной и соразмерной России и КНР гарантии безопасности в регионе.

Такая угроза, вне всякого сомнения, существовала. Причем не только в силу того, что щедрые обещания США – как в плане инвестиций, так и политической поддержки – нашли понимание у политического руководства Узбекистана и Кыргызстана, с готовностью поверившего, что геополитические цели Вашингтона в Центральной Азии изменились, и он пересмотрел свое отношение к действующим в странах региона политическим режимам.

Настораживало еще несколько моментов: во-первых, США продемонстрировали, что бороться с исламским фундаментализмом и терроризмом можно гораздо эффективнее и быстрее, чем это декларировала ШОС. А во-вторых, нарастание военного присутствия США в Центральной Азии происходило при молчаливом согласии России и на фоне существовавшей у российского руководства иллюзии о перспективе нормализации российско-американских отношений.

Определение позиции

Китай решил взять инициативу в свои руки. Уже в январе 2002 г. министры иностранных дел государств – участников ШОС, собравшиеся на внеочередную встречу в Шанхае,

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

определились по большинству позиций. Если суммировать все озвученное на той встрече, то нетрудно прийти к заключению о том, что она представляла собой «проверку на прочность» – как самой региональной организации, так и позиций, занимаемых государствами-участниками. Самим фактом ее проведения Китай, и, в какой-то степени, Россия, дали понять своим союзникам в регионе, что они готовы согласиться с военным присутствием США в Центральной Азии, но – с определенными оговорками и до известных пределов.

В это же время Китай активизировал свое сотрудничество с Киргизией, которая в начале 2000-х гг. не только приняла у Казахстана «эстафету» центрально-азиатского центра уйгурского движения, но – из-за отсутствия визового режима въезда и выезда с КНР – рассматривалась как довольно привлекательная база для организации китайских торговых каналов в Центральной Азии.

Начиная с 1996 г., КНР и Киргизия активно взаимодействовали и в военной сфере. В июне 2002 г. между КНР и Республикой Кыргызстан был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», а в сентябре 2004 г. стороны подписали «Программу сотрудничества на 2004–2014 годы».

Показательным в центрально-азиатской политике Китая в этот период было и то, что в середине 2000 г. Китай включился в региональную «нефтегазовую игру». Правда, говорить о нем как об активном участнике было бы преждевременно, но место за собой он «застолбил».

В июле 2002 г. президент Туркменистана Сапармурад Ниязов и председатель КНР Цзян Цзэминь подписали в Ашхабаде меморандум о строительстве газопровода «Туркменистан – Китай» (с возможным его продлением до Японии). В мае 2005 г. президент Узбекистана Ислам Каримов, посетивший Китай с деловым визитом, подписал с КНР соглашение о долгосрочном сотрудничестве в области разведки и последующей добычи узбекской нефти.

Важные выводы и практические шаги

После событий «11 сентября» политическое руководство Китая, судя по публикациям китайских экспертов, пришло к весьма значимым для себя выводам.

Во-первых, военно-политическое присутствие США в Центральной Азии на ближайшую перспективу будет являться постоянно действующим фактором, и хотя ни КНР, ни Россия в долговременном присутствии США не заинтересованы, помешать этому они не в силах.

Во-вторых, «...реальная мощь России слабеет, она уже не в состоянии направлять достойные силы в Центральную Азию», следовательно – с одной стороны, она вряд ли будет способна выполнить возлагаемую на нее китайскими стратегами роль по вытеснению США из региона. А, с другой – это открывает для Китая возможности по усилению своего влияния (прежде всего, экономического) в Центральной Азии.

В-третьих, «иракский кризис» продлится долго, следовательно – рассчитывать на устойчивые поставки углеводородов из Ближневосточного региона не приходится. Вследствие этого, возникает необходимость расширения географии таких поставок за счет России и государств Центральной Азии.

Вполне логично из этих тезисов вытекала стратегия поддержания Центральной Азии в качестве состоящего «из небольших, разобщенных и не угрожающих КНР государств», «буферного пространства» между Китаем и Россией, главной же задачей являлось недопущение появления в пределах данного пространства «доминирующего государства», способного взять под свой единоличный контроль государства региона.

Конкуренция между Россией, США и Китаем в Центральноазиатском регионе не входит в планы Пекина, направленные на сохранение Центральной Азии в качестве «стабильного

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

стратегического тыла», а потому «...Китаю, России и США просто необходимо развивать многосторонние отношения.

Наконец, при всей разности подходов китайских экспертов к оценке роли и перспектив ШОС, делался вывод о необходимости сохранения этой структуры, поскольку «...ШОС – самый удобный и законный канал общения и надежное средство координации действий в Центральной Азии».

Все это в полной мере вписывалось в доктрину внешней политики КНР, в которой с приходом нового поколения руководителей произошли знаковые перемены. Цзян Цзэминь, над которым довлела стратегическая установка Дэн Сяопина о «сокрытии своих возможностей», во внешней политике придерживался осторожного подхода. Главный акцент делался им на концепции «открытости и реформ», в качестве основных целей предусматривающей: развитие внешнеэкономических связей КНР; увеличение использования передовых иностранных техники и технологий; расширение экспорта; внедрение новых форм внешних экономических связей и привлечение иностранного капитала.

Дэн Сяопин советовал продвигаться к цели пусть небольшими, но совершенно конкретными шагами, делая что-то реальное, т.е. постоянно, медленно, неуклонно приближаться к такой стратегической цели, как возрождение Китая, возрождение китайской нации. Когда эта цель будет достигнута, Китай и по своему совокупному государственному потенциалу, и по своей военной мощи не будет уступать никому на планете.

Однако, понимая, что в новых условиях это в определенной степени сдерживает региональную и глобальную активность Китая, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Цзян Цзэминь дополнил эту концепцию несколькими стратегическими установками, среди которых были:

- Концепция «комплексной национальной мощи», опирающаяся на вывод о снижении роли чисто военного фактора в обеспечении национальной безопасности в современном мире, а также о необходимости наращивания всестороннего потенциала, способного поставить Китай в ряд самых влиятельных членов мирового сообщества.

- Достаточно спорная, но, как это ни странно, получившая широкое распространение, концепция «многополярности». При этом, оптимальная политика Китая в рамках этой многополярности должна была сводиться «...не к лавированию, основанному на классическом балансе сил, а к поискам обеспечения баланса интересов всех заинтересованных сторон».

- Концепция «выхода за пределы», стратегические задачи которой были определены на 5-й сессии ВСНП 9-го созыва 5 марта 2002 г. – премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи. Им было отмечено, что «необходимо поощрять и поддерживать отечественные предприятия всех форм собственности в инвестировании за рубеж, но, особенно, в страны ближнего зарубежья. Следует наладить импорт передовых технологий, ключевого оборудования, дефицитного сырья и материалов и тем самым диверсифицировать импорт важных для Китая стратегических ресурсов».

Сегодня эта установка преследует три главные цели:

- обеспечение быстро растущей экономики Китая остро дефицитными в стране видами энергии и сырья.

- создание на базе лучших отечественных фирм нескольких десятков собственных транснациональных компаний, которые могли бы успешно конкурировать на мировой арене с аналогичными гигантами США и других ведущих стран мира.

- приобретение – путем «слияний и поглощений» – известных во всем мире брендов, с тем, чтобы с их помощью еще более наращивать китайский экспорт, и без того уже достигший весьма значительных размеров, почти сопоставимых с объемом китайского ВВП.

Все три задачи взаимосвязаны, и успешное их решение позволит Китаю обрести еще большее влияние на мировую экономику.

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

- Концепция «мирного возвышения Китая». В самом общем виде «мирное возвышение» понималось как более активное позиционирование страны в качестве государства, которое ненасильственными методами (через эффективное экономическое развитие и энергичную миролюбивую внешнюю политику) добивается глобального статуса. «Мирное возвышение» КНР также подразумевало реализацию стратегии энергетической безопасности страны, достижение мирного воссоединения Китая, а также его паритета с США по основным направлениям мировой повестки, и все это – на основе принципа многополюсности международных отношений.

Кроме того, эта концепция включала также и тезис о большей ответственности Китая за судьбы мира и развития, которая, в частности, выражалась в готовности КНР играть более активную роль в процессах экономической глобализации и формировании многополюсного мира.

«Мирное возвышение» подразумевало и качественное изменение дипломатии Китая, которая до этого строилась по модели простого реагирования «вызов-ответ», а теперь должна была строиться по принципу «действие-результат», итогом чего и стала бы реализация китайских интересов как глобальной державы.

Выдвижение понятия «возвышение», пусть даже и с добавлением «мирное», в деле фиксации позитивного международного имиджа Китая оказалось малопродуктивным. Тезис о возможности роста Китая за счет других стран, по-видимому, не убеждал соседей Китая в том, что его действия не представляют для них угрозы. К тому же, в ходе обсуждения концепции в китайском экспертном сообществе стало ясно, что данный лозунг вызывает сомнения и неоднозначные трактовки и внутри страны.

– Наконец, концепция «возрождения величия Китая» (Чжунго вэйда фусин) и «возрождения величия китайской нации» (чжунхуа миньцзу вэйда фусин) – пожалуй, главное в наследии Цзян Цзэминя.

Корректировка курса

Поскольку концепция «мирного возвышения Китая» была неоднозначно воспринята мировым общественным мнением, новое китайское руководство летом 2004 г. вновь подняло на щит концепцию необходимости «мира и развития», выдвинутая Пекином еще в 1980-х гг. По справедливому замечанию В.В. Михеева, с конца 1990-х – начала 2000-х гг. ключевыми компонентами стратегии Китая становятся: в экономике – переход от политики «открытости» и взаимодействия с мировой экономикой к интеграции в мировые рынки; во внешней политике – переход от задач «...обеспечения международных условий развития реформ» к активному участию в создании новой архитектуры международной безопасности.

Современной экономической стратегии Китая, направленной на вращение Китая в глобальную экономику, соответствует новый внешнеполитический курс, суть которого состоит в выстраивании партнерских стратегических отношений с США, как единственной сверхдержавой, и в повышении глобальной и региональной роли Китая при помощи механизмов многосторонней дипломатии.

Суть новой стратегии «команды Ху Цзиньтао» включает следующие элементы:

- переход от пассивной линии поведения, нацеленной на создание благоприятных внешних условий для внутренних реформ, к активной, призванной превратить Китай в реального участника глобальных трансформаций;
- переход от политики приоритетности двусторонних связей к многосторонней дипломатии;
- защита за рубежом, активная и часто – агрессивная, интересов Китая, китайского бизнеса и китайских граждан.

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Данной стратегии отвечает новое позиционирование Китая на международной арене. Китай позиционирует себя как набирающая глобальную значимость сила, которая пока не уверена в своих ресурсах и не имеет таковых, чтобы играть лидирующую роль в мировой экономике и политике, как не уверена и в выгодной для Китая реакции мирового сообщества на восхождение Китая.

Что касается регионального аспекта внешней политики Китая, то он базировался на провозглашенном съездом КПК курсе на «превращение соседей в партнеров», правда, с поправкой на те внешнеполитические концепции, о которых говорилось выше.

События в Грузии и на Украине осенью 2003 и 2004 гг., и, особенно, в Киргизии и Узбекистане весной 2005 г., внесшие новый элемент неопределенности в систему безопасности на постсоветском пространстве, а также та роль, которую сыграли в них США, побудили Китай вновь несколько скорректировать свою стратегию. Как справедливо подчеркивает В. Михеев, Китай оказался перед дилеммой: идти ли в фарватере российской политики, иметь ли «свою игру» или делать ставку на американский фактор.

Дилемма действительно существовала и обуславливалась она не только совокупностью региональных угроз, но, главным образом, региональной политикой трех крупнейших внешних акторов. Если в области стратегии – борьба с терроризмом, религиозным экстремизмом и наркоторговлей (исключая приоритетность направлений борьбы) – интересы Китая, России и США полностью совпадали, то в области тактики – методик решения этих проблем – разница была существенной.

Китай делал основную ставку на поддержку действующих политических режимов и укрепление своего влияния в регионе преимущественно за счет его участия в крупных экономических проектах; США – на смену «авторитарных политических режимов» и расширение сфер своего влияния за счет экспорта демократии. Россия занимала промежуточное положение, с одной стороны, активно не противодействуя попыткам США «принести демократию» в регион, а, с другой – пытаясь использовать борьбу с объективно существующими угрозами (в том числе, и в формате ШОС) в целях укрепления своего военно-политического присутствия в Центральной Азии.

Вторая проблема, возникшая в связи с феноменом «цветных революций», – ставшая актуальной необходимость определения своего отношения к действующим политическим режимам и оппозиции в государствах Центральной Азии. Те изменения, которые произошли в политике России по отношению к странам СНГ и их политическим режимам, не могли остаться без внимания Китая. Если до событий на Украине главным приоритетом России была поддержка действующих политических лидеров, то после них она начала подходить к ним избирательно, в большей степени ориентируясь на собственные национальные интересы и учитывая уровень лояльности по отношению к политике Москвы.

Третья проблема была связана с необходимостью определиться с возможностью, а, главное, – целесообразностью использования механизма ШОС в случае возникновения в регионе очередной конфликтной ситуации. После событий в Киргизии стало очевидно, что ни ОДКБ, ни ШОС – в случае возникновения политического кризиса в одной из стран, входящих в эти структуры – к коллективным действиям не готовы.

Основная проблема для Пекина заключалась в определении того, что мог бы предложить Китай, как один из ведущих членов ШОС, для локализации этих конфликтов, избежав при этом обвинений во вмешательстве во внутренние дела и подъема волны антикитайских настроений, связанных с так называемой «китайской экспансией».

В то же время, для Китая было очевидным, что продолжение военного присутствия США в регионе в большей степени является дестабилизирующим фактором, но решить эту проблему

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

самостоятельно Китай не в состоянии, более того, втягиваться в прямую конфронтацию с США по данному вопросу – не в его интересах.

Все это и предопределило специфику тактики Китая в Центральноазиатском регионе вообще и в ШОС, в частности. Он попытался одновременно сыграть три партии: учесть интересы России и ее возможные опасения по поводу расширения китайского влияния в регионе; постараться не раздражать США, параллельно ограничивая возможности их влияния на политическую ситуацию в Центральной Азии; сыграть «свою игру» – обеспечить надежные тылы в Центральной Азии и получить доступ к ее углеводородным и иным ресурсам, а, параллельно, усилить свои позиции в более значимом с геополитической точки зрения Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Главным элементом во внешней политике Китая в Центральной Азии должно было стать экономическое проникновение в регион – путем реализации двусторонних и многосторонних (в рамках ШОС) экономических и инфраструктурных проектов с участием китайских компаний, а также предоставления льготных кредитов для развития двусторонней торговли.

Несмотря на все усилия со стороны США и Запада в целом, им не удалось «вбить клин» в отношения между Китаем и Россией, как главных составляющих этого объединения, а также «оторвать» от этого тандема центрально-азиатские государства.

Более того, политика одностороннего доминирования США одобрения у стран – членов ШОС не получила. По-видимому, напуганные «цветными революциями», лидеры государств региона в качестве стратегических союзников предпочли все-таки «авторитарную Россию» и не менее авторитарный Китай.

Вполне объяснимо, что такая позиция не могла удовлетворить США, которые, по словам старшего научного сотрудника фонда Heritage Foundation Ариэля Коэна, «...имеют на Евразийском континенте важные интересы», в числе которых: поддержка американского присутствия в Афганистане; нейтрализация растущего влияния исламистов в Средней Азии; предотвращение образования там российско – китайско - иранского «кондоминиума».

Объясняя, в чем заключается опасность ШОС для США, Ариэль Коэн подчеркивал: «Шанхайская организация сотрудничества – это инструмент, с помощью которого Китай увеличивает свое влияние в Центральной Азии. Эта структура пока препятствует тому, чтобы США принимали участие в ее работе даже на уровне наблюдателей, хотя подобные права получили Пакистан, Индия и Иран. Возможно, что Китай, Россия и Иран будут стремиться, если не выдавливать США, то, по крайней мере, не позволять Вашингтону расширять свое присутствие в регионе»

Западные аналитики выражали беспокойство по таким аспектам, как:

- 1) в центре Азии возникает новый стратегический союз, который может быть направлен против Запада;
- 2) истинным лидером этого союза является не Москва, а Китай, и через несколько лет среднеазиатские государства будут больше ориентироваться на Пекин, а не на Кремль;
- 3) к этому союзу, во всяком случае, в плане требования «NATO go home», пусть пока и косвенно, присоединились Индия, Пакистан и Иран;
- 4) ШОС используется Китаем не только как площадка для укрепления своего влияния в Центральной Азии, но и как инструмент для противостояния существующему в Азиатско-Тихоокеанском регионе альянсу, возглавляемому США, и расширения своего влияния в Юго-Западной Азии, на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и регионе Индийского океана.

Надо откровенно признать, что во многом эти опасения обоснованы. Во всяком случае, как в оценке изменения позиций Китая в Центральной Азии, так и в оценке позиций России и Китая в сформированном ими альянсе.

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Как и почему такое стало возможно в регионе, где традиционно доминировало российское влияние? Ответ на него лежит на поверхности.

В начале 1990-х гг. Россия сама освободила геополитическое пространство Центральной Азии, и Китай просто использовал благоприятный момент.

В середине – конце 1990-х в регионе шла геополитическая «притирка», и России, занятой сначала выстраиванием отношений с Западом, а потом – противостоянием с ним на международной арене, было как-то не до региональных проблем. Когда же стало очевидно, что они оказывают непосредственное влияние и на ее безопасность, и Россия сочла необходимым укрепить свое присутствие в Центральной Азии, выяснилось, что, во-первых, опасения по поводу «имперских амбиций» России никуда не исчезли, и государства региона к ее возвращению относятся с некоторой опаской. И, во-вторых, здесь уже обосновался Китай, который лидерами государств региона начал рассматриваться как вполне достойная альтернатива не только Западу, но и России.

Выходные данные книги:

С 95 Сыроежкин К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. – В трех книгах.

Книга 1. В начале пути. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. – 336 с. ISBN 978-601-7242-09-1